

— Ты чему смеешься? — Юйчи Чэнъян посмотрел на него сверху вниз.

Я просто посмеялся над самим собой, а не над тобой, какое тебе дело? — подумал про себя Фан Лижань, но вслух сказать не осмелился.

Жизнь дороже, жизнь дороже.

Выдержав паузу, чтобы настроиться на нужный лад, Фан Лижань поднял голову, прижал руку к груди и с самым искренним видом произнес:

— Я просто счастлив. Генерал одержал блестящую победу и вернулся с триумфом — это радостное событие, которое стоит отпраздновать всей стране. Я счастлив не только за себя, но и за простой народ государства Бэйлян.

Простой народ? Юйчи Чэнъян нахмурился, услышав это.

Когда это в голове у этого никчемного пьяницы Ци Юя заводились мысли о других людях? Где он нахватался таких красивых слов?

— Генерал, вы проделали долгий путь, вы, должно быть, устали. Я сейчас же прикажу подготовить для вас пир в честь победы, чтобы вы могли отдохнуть, — выпалил Фан Лижань и, ухватившись за этот предлог, поспешно поднялся и бросился прочь.

Наконец-то удалось придумать повод уйти, а то колени уже начали невыносимо ныть.

Юйчи Чэнъян небрежно отбросил в сторону свиток, который держал в руках, и вышел из Зала Управления Делами. Чжоу Синь, дожидавшийся снаружи, немедленно последовал за ним.

Вскоре были отданы два приказа. Первый — отправить людей проследить за отрядом, который три дня назад отправился из дворца на юг, чтобы проверить, правду ли сказал Ци Юй. Второй — приставить к Ци Юю верных людей: Юйчи Чэнъян не верил, что сегодняшний пир был устроен лишь ради того, чтобы оказать ему почести.

Пир начался в назначенное время. Все присутствующие были охвачены своими тайными помыслами.

Ци Юй обычно вел себя настолько распутно, что со временем, следуя дурному примеру, придворные совсем забросили этикет, и на банкете царил полный беспорядок. Это, впрочем, избавило Фан Лижаня от необходимости срочно учить правила, боясь показаться странным.

Музыканты сменяли друг друга, танцоры кружились в танце, но мало кто обращал на них внимание. Юйчи Чэнъян всегда держался особняком, его лицо оставалось бесстрастным, и все

уже привыкли к его холодному взгляду.

А вот Ци Юй, их Император, в другое время уже давно был бы пьян в стельку или, заприметив танцовщицу, бросил бы всех гостей и уединился с красавицей в глубине дворца — такие случаи уже бывали. Но сегодня он сидел прямо и неподвижно. Бутылка вина, стоявшая перед ним с самого начала, оставалась нетронутой — он только и делал, что ел.

Неужели наш Император сегодня проголодался?

От этого остальные гости чувствовали себя не в своей тарелке. Юйчи Чэнъян, разумеется, тоже заметил перемену и насмешливо усмехнулся про себя.

Никчемный слабак. Хватило же смелости заточить его сестру, а теперь, когда ядовитое вино уже готово, не хватает духу подать его.

Кухня Императора действительно оказалась на высоте, неудивительно, что все любят прикрываться этим титулом. Фан Лижань наелся досыта, посмотрел на бутылку перед собой и решил, что время пришло.

Вытерев руки, он взял вино, подошел к Юйчи Чэнъяну и наполнил его чашу:

— Генерал Юйчи, вы совершили невероятные подвиги ради спокойствия государства Бэйлян, я лично должен налить вам вина.

Согласно плану, как только Юйчи Чэнъян выпьет, Ци Юй должен был разбить чашу в качестве сигнала. Но Юйчи Чэнъян, уже знавший о готовящейся ловушке, разумеется, не собирался послушно пить.

— Благодарю за милость, Ваше Величество, но я ранен и мне нельзя пить, — не поднимая головы, отказался Юйчи Чэнъян, давая ему последний шанс.

Хотя все присутствующие прекрасно знали, насколько натянуты их отношения, до тех пор, пока маски не были сорваны окончательно, следовало соблюдать внешние приличия. Император лично наливает вино — разве может подданный отказаться?

Столь явное пренебрежение к Императору означало лишь одно: неужели в государстве Бэйлян действительно называют перемены?

<http://bllate.org/book/21618/2229947>